

съезда, предупредив, что в случае возобновления Л.Д.Троцким борьбы вопрос может быть рассмотрен на Пленуме ЦК.

С точки зрения практической это событие имело небольшое значение, так как позиции Л.Д.Троцкого в военном ведомстве были подорваны гораздо раньше. Но решения Пленума имели символическое значение, поскольку Л.Д.Троцкий был главой Красной Армии в течение почти семи лет и для многих непосвящённых в тонкости разногласий и споров в руководстве партии эти решения были зримым доказательством падения «гиганта революции».

Таким образом, в сфере организационно-политической за сравнительно непродолжительный период Л.Д.Троцкий оказался в изоляции в среде руководящих кругов партии, лишился поддержки в местных партийных организациях и военном ведомстве. Один из главных претендентов на роль лидера общими усилиями «тройки» был отведён на «запасной путь».

В.В. Попова

к.и.н., доцент кафедры истории НИУ-ВШЭ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»: ПРИЧИНЫ, ЦЕНТРЫ, ДОРОГИ

Под «русской эмиграцией» и «представителями русской диаспоры» следует понимать всех тех носителей русского языка, культуры, традиций, кто относил (и относит) себя к русским. «Российское зарубежье» — понятие, включающее в себя все группы выходцев из России, в том числе и тех, кто самостоятельно этого выхода не совершал: например, жителей территорий, которые отходили от России при изменении границ (в частности, жителей Польши и Финляндии после революции 1917 года). Понятие «российская эмиграция» не несёт, по сути, в себе указания на этническую принадлежность мигрантов, а всего лишь даёт указание на страну, откуда шло переселение, и, таким образом, объединяет всех подданных или граждан России вне зависимости от их национальной или конфессиональной принадлежности, а также причин их отъезда. Русские же составляют лишь часть из них.

В начале 20-х годов в Европе появилось ещё одно близкое понятие: «русский беженец». Интересно, что само понятие «беженец» появилось в международном обиходе именно «благодаря» первой волне русской эмиграции: впервые оно прозвучало в июле 1922 года на Женевской конференции представителей правительств, и речь там шла именно о русских беженцах. Межправительственное соглашение 1926 года уточнило это понятие: по нему русским беженцем признавалось «всякое лицо

русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретающее иного подданства»¹.

Первая волна русской эмиграции (1918-1922) – это, в основном, военные и гражданские лица, которые бежали из России как по политическим мотивам – от советской власти, – так и просто от голода, войны и хаоса, царившего в то время на территории бывшей Российской империи. По разным оценкам, эмиграция из большевистской России составляла от 1,5 до 3 млн. человек.²

Как известно, первую волну эмиграции называют *белой эмиграцией*, потому что первыми военными эмигрантами стали части армии генерала Юденича, которые после поражения Белой Армии на Северо-Западе были интернированы в 1918 году в Эстонии, да и вообще среди эмигрантов этой волны было много представителей белого движения.

После поражений белых армий на Востоке, в частности, в Сибири, в Харбине (Манчжурия) возникла крупная эмигрантская русская диаспора, которая к 1923 году стала одной из самых крупных в мире и около 400 тыс. человек³. Примерно четверть из них после амнистии в Советской России рядовым участникам белогвардейских соединений репатриировались в РСФСР, получив советские паспорта. Значительная оставшихся часть постепенно, на протяжении примерно десятилетия, реэмигрировала в другие страны – особенно это было свойственно молодым людям, уезжавшим учиться в университеты Европы, Северной и Южной Америки и Австралии, и оседавшим потом в этих странах.⁴

На Дальнем Востоке было три крупных «волны» русских беженцев. Первая – в начале 1920 года, связанная с падением Омской директории, вторая – осенью того же года, после разгрома войска атамана Семёнова, и третья – два года спустя, в конце 1922-го, после установления на бывшем российском Дальнем Востоке советской власти. Этой последней волне пришлось хуже других, потому что беженцев не пропускали на КВЖД, и не просто не пропускали, а даже могли выслать обратно в советскую Россию, исключения, конечно, бывали, но всё же это были именно исключения. Людям приходилось добираться либо морем, либо проходить на свой страх и риск через границу.

23 сентября 1920 года российские граждане в Китае были лишены статуса экстерриториальности, став, фактически, диаспорой и получив статус бесподданных. Проблема эта была актуальна не только для

¹ См.: Йованович М. Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования. // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 44.

² См.: Полян П. Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493-519.

³ См.: Народный Комиссариат иностранных дел. Годовой отчет за 1923 г. к III Съезду Советов. М., 1924. С.120-121.

⁴ См.: Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.) М.: Ин-т российской истории, 1997. С.58, 195.

Манчжурии, но и для всего мира – настолько, что, в конце концов, Лига Наций занялась ею вплотную. Однако об этом речь пойдёт чуть ниже.

Другая крупная диаспора возникла в Константинополе, на юге, куда, в основном, шли из черноморских портов корабли с остатками армий Врангеля и Деникина. Интересно, что образовалась она, в отличие от харбинской не совсем стихийно: в мае 1920 г. генерал Врангель учредил «Эмиграционный совет» (переименованный через год в «Совет по расселению русских беженцев»), который занимался расселением как военных, так и гражданских беженцев в лагерях под Константинополем, на Принцевых островах и в Болгарии.¹

Всё это была военная эмиграция. Однако в то же время из Советской России шла волна так называемой «мирной эмиграции», то есть поток гражданских лиц, которые по самым разным (и часть неполитическим) причинам стремились покинуть страну. Поначалу большинство из них, надеясь на скорое возвращение домой, селилось в соседних с Россией странах.

По данным Главного справочного (регистрационного) бюро на конец 1920 г., в Константинополе на тот момент находилось не менее 190 тысяч беженцев, из которых военных насчитывалось 50-60 тысяч. Те из беженцев, у кого были средства или связи (в основном, это были бывшие аристократы, чиновники и коммерсанты), могли самостоятельно оплатить билеты, визы и другие сборы, и, уладив за пару недель все формальности, уезжали, как правило, в Европу, в основном, во Францию и Германию. Однако их было не очень много, не более четверти от общего числа константинопольских эмигрантов. К весне 1921 года в Константинополе остались только военные и самые неимущие эмигранты. Часть из них со временем возвращалась в Советскую Россию, другая часть, постепенно была расселена, в основном, по балканским странам.²

Отдельно нужно сказать и депортации ученых и философов осенью 1922 года. В 1922 г. по указанию В. Ленина началась подготовка к высылке за границу представителей старой русской интеллигенции. Летом по городам России было арестовано около 200 человек, учёных самых разных направлений: философов, историков, экономистов, математиков... Среди них были и учёные с мировым именем: философы Лосский, Бердяев, Франк, Карсавин, математик Стратонов, социолог Сорокин, зоолог Новиков, историки Боголепов и Кизеветтер, политики Прокопович, Кускова, Дан, Ладыженский, Пешехонов и многие другие. Никакого судебного решения о высылке не было, по всей вероятности, основанием

¹ См.: Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994. С.50-51.

² См.: Полян П. Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493-519.

для произошедшего стал Декрет ВЦИК “Об административной высылке” от 10 августа 1922 года.¹

В основном организованную помощь русским эмигрантам оказывала Лига Наций, под эгидой которой в 1921 году была создана Комиссия по расселению беженцев (Refugees Settlement Commission), председателем которой стал Нансен, а в 1931 на её основе было создано так называемое «Ведомство Нансена» (Nansen-Amt). Их деятельность во многом и привела к тому, что в 1933 году была заключена конвенция о беженцах.

Фритъоф Нансен – весьма необычная фигура. Изначально не был профессиональным дипломатом: он был зоологом, океанографом, полярным исследователем и просто искателем приключений – и только потом дипломатом и Верховным комиссаром Лиги Наций по делам беженцев. На международной политической арене его имя зазвучало сначала в связи с разделением Норвегии в 1905 году, представителем которой в Лондоне он был до 1908 года. Потом он занимался репатриацией полумиллиона австрийских и венгерских военнопленных, и, наконец, в 1921 году Международный комитет Красного Креста попросил его помочь жертвам голода в России. Именно Нансену принадлежит честь создания так называемых «нансеновских паспортов», которые постепенно были признаны в 31 стране мира и помогли миллионам людей – и не только русским беженцам, ради которых они, в основном, и создавались, но, например, и беженцам из нацистской Германии.

По подсчётам Красного Креста, количество эмигрантов из России на 1 ноября 1920 года составило 1 млн. 194 тыс. человек, позднее эта оценка была увеличена до 2 млн. 92 тыс. человек², однако шесть лет спустя в Службе по делам беженцев было зарегистрировано только 755,3 тысячи беженцев из России – в основном это были те, кто не сумел устроиться самостоятельно и не имел родственников или друзей, готовых им помочь в этом. Большую часть из них приняла Франция, остальные распределились, в основном, между балканскими странами и Китаем.³

Константинополь, выполнив роль главной перевалочной базы эмиграции, постепенно перестал быть сколько-нибудь значимым центром эмиграции из России. В начале двадцатых годов центрами русской эмиграции были Берлин, Харбин (который оставался им вплоть до своей оккупации Японией в 1936 году), София и Белград. Берлин постепенно терял своё значение: во-первых, из-за экономического кризиса, а позже и

¹ См.: Бочарова З. Правовое положение Русских беженцев на Западе в 1920-30 годы. // История, 2002. № 2. Электронный ресурс. URL: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200200201> (дата обращения 21.06.2012).

² См.: Пивовар, Герасимова и др., Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. М., 1994, с.12, со ссылкой на: РГВА, ф.7, оп.2, д.730, л.208, 251об.; ф.109, оп.3, д.236, л.182; д.368, л.8об.

³ См.: Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию. Электронный ресурс. URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php#_FNR_15 (Дата обращения 14.06.12)

из-за роста нацистских настроений, чей приход к власти окончательно уничтожил значение Берлина как центра русской эмиграции. К середине двадцатых центр эмигрантского движения, да и просто центрами эмигрантского движения стали Париж и Прага. Постепенно между центрами возникла своеобразная «специализация»: так, у Парижа она была, в основном, литературной, у Праги – научной, а у Берлина – издательской.

Исторический феномен «русской эмиграции» или «первой эмиграции» уникален. Уникальность его не столько в количестве беженцев, за короткое время покинувших (вынужденно или добровольно) страну, сколько в качественном её составе. Результатом русской эмиграции стало не просто переселение значительного количества людей в другие страны, но и перенос в них целого культурного и общественного слоя, уже не нужного на родине, но, при этом, полного не только физических, но и творческих сил и желания их использовать. При этом эмигранты первой волны были, во многом, замкнуты сами на себя, стремясь воссоздать в себе ту страну, которую они любили, и которую потеряли – им казалось, что временно, а оказалось, что безвозвратно. Замкнутость эта вызвала к жизни стремление воссоздать, насколько это было возможно, не только внутренние, культурные, но и внешние, организационные структуры бывшей России и нежелание интегрироваться в другие общества. Именно это стремление обособиться и сохранить то, что было у них на родине, и вызвало к жизни культурный феномен первой волны российской эмиграции.

Однако, не смотря на кажущуюся монолитность, это эмигрантское сплочение вовсе не было единым и дружелюбным – напротив, в эмигрантской среде были крайне распространены самые разнообразные конфликты.

В целом, сама эмигрантская среда в 20-е годы XX века разделилась на «западную», «европейскую», и «восточную», или «азиатскую» части.

Первая, «западная», в это время начинает самоорганизовываться и самоопределяться по самым разным политическим вопросам, делясь на многочисленные группы и подгруппы, в свою очередь, создающие и распадающиеся на разнообразные узкие и широкие объединения, которые иногда соперничали и даже достаточно жёстко противостояли друг другу.

В качестве примера такого соперничества можно привести историю противостояния Высшего Монархического Совета и Республиканско-Демократического объединения.

Высший Монархический Совет объединял монархистов всех цветов и оттенков – от сторонников самодержавия до приверженцев конституционной монархии. Эта организация была создана по инициативе Н. Маркова в Баварии в 1921 г. в ходе Рейхенгальского съезда, и стала одной из самых крупных, имея представителей во многих странах.

В противовес ему (не сразу, в несколько этапов), с 1921 по 1924 гг. было создано Республиканско-Демократическое объединение, куда вошли те, кто считал себя либералом и/или демократом – от кадетов до даже некоторых правых социалистов-революционеров и народных социалистов. РДО возглавил один из самых известных политических деятелей дореволюционной России П. Н. Милюков.

П. Б. Струве в известной газете того времени «Возрождение» так описывал эту ситуацию: «...с одной стороны стоят доктринёры-монархисты, именующие себя легитимистами, стоящие за реставрацию и считающие законным наследником Российского Императорского трона великого князя Кирилла; на другом конце находятся доктринёры-республиканцы, видящие необходимость установления в России республиканского строя; эта группа делится в свою очередь на две: буржуазную с П.Н. Милюковым во главе и социалистическую во главе с А.Ф. Керенским».¹

Обе организации претендовали на роль лидера политической жизни российского зарубежья, обе много работали с эмигрантской молодёжью и с различными военными формированиями эмигрантов, обе пытались создать собственные подпольные организации в Советской России.

И обе, по сути, так ничего и не достигли...

Вообще, стремление к политическому самоопределению отличает российских эмигрантов «первой волны» от других – как российских, так и иных – эмигрантов. Почему же это было для них так важно?

Поначалу, пока шла Гражданская война, многим казалось, что все политические проблемы можно решить самым простым, вооружённым путём. В этот период более популярны были организации, созданные или состоящие в основном из офицеров бывшей царской армии. Именно вокруг них объединялись все те политические партии и движения, оппозиционные новой – советской – власти. Однако к концу 20-х гг. ситуация изменилась: белое движение войну проиграло, и авторитет военных в эмигрантской среде упал – причём произошло это одновременно с резким ростом количества этих самых военных среди эмигрантов. Ещё одним фактором, повлиявшим на деятельность эмигрантских организаций, была внутренняя политика большевиков: с переменами в ней менялась и популярность тех или иных идей, взглядов и организаций среди эмигрантов первой волны (например, переход к НЭПу вызвал целую волну надежд и ожиданий изменения и политического режима в СССР, и даже стал причиной частичной реэмиграции).

Другая, «восточная», «азиатская» волна эмиграции заметно отличалась от «западной».

Во-первых, в Китае существовала не только белая, но и красная эмиграция. Правда, таких эмигрантов было совсем немного, около тысячи

¹ См.: Возрождение. Париж. 1926. 14 авг. С. 2.

человек, которые после окончания гражданской войны в Приморье вернулись домой,¹ однако она существовала. Нигде больше ничего подобного не было (если, конечно, не считать таковой известную дореволюционную эмиграцию лидеров и части рядовых членов революционных партий, в частности, РСДРП).

Во-вторых, эмиграция в Китай началась задолго до Октябрьской революции. Ещё в XVIII веке в Пекине с подачи российского правительства возникла православная миссия, православные храмы существовали и в других крупных китайских городах. А с момента начала строительства КВЖД, с конца XIX века, на северо-востоке Китая активно начинают селиться выходцы из России. Когда же в России произошла большевистская революция, и поток эмигрантов стал массовым, те, кто бежал в Китай, оказались не совсем «на пустом месте», в отличие от тех, кто по тем или иным причинам выбрал своим новым местом жительства Европу. В Харбине, ставшим крупнейшим центром дальневосточной российской эмиграции, и в районах вдоль КВЖД, для выходцев из России почти не существовало, к примеру, проблемы языкового барьера: местное население, привыкшее к соседству с «русскими», в целом и говорило, и понимало (пусть и не слишком хорошо) по-русски. В тех краях не только уже выходили русскоязычные газеты и журналы, там существовала практика печатать на русском языке и официальные и проездные документы, существовало немало русскоязычных учебных заведений, даже российская валюта (рубль) имела там свободное хождение. Это заметно облегчало приехавшим вхождение в новую жизнь, даже не требуя от них знания или обучения китайскому языку.²

В-третьих, если «европейская» эмиграция была едина в своём неприятии новой советской власти, то «азиатская» разделилась на её противников и сторонников. Некоторые из первых (их называли «белыми») не замыкались внутри диаспоры, а принимали участие во внутрикитайских междоусобицах. Когда, в конце концов, после вторжения японцев в северо-восточные китайские земли и образования Маньчжоу-го, большая часть «восточной» эмиграции покинула эти территории, переехав в Шанхай, а позже и вовсе покинув Китай, некоторая же часть эмигрантов осталась, разделившись на тех, кто принял сторону Японии и даже образовавших «Российскую фашистскую партию»³ (таких было меньшинство)⁴, и на тех, кто принял в этом конфликте сторону Китая.

¹ См.: Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.) М.: Ин-т российской истории, 1997. С.57-112.

² См.: Мелихов Г.В. Цит. Соч., С.57-58.

³ См.: Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и права и международных отношений. 1999. № 2.

⁴ См.: Сергеев О.И. Из истории политической жизни российской эмиграции в Китае: фашизм и казачество // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России//Владивосток, 1994. С.141-150.

Наконец, в-четвёртых, в отличие от европейцев, настроенных к российским эмигрантам, в целом, нейтрально, а иногда даже и враждебно (особенно это было заметно в небольших городах, где бывшие подданные Российской империи составляли конкуренцию местному населению в борьбе за относительно немногочисленные рабочие места), китайцы относились к ним вполне дружелюбно, часто помогая и сочувствуя вынужденным переселенцам. В целом, «восточной» ветви эмиграции не пришлось сталкиваться в Китае с дискриминацией.

Впрочем, у обеих ветвей эмиграции было и много общего. Все они сохранили свою религию и культуру, и практически не были подвержены ассимиляции — причём эти особенности были характерны не только для представителей первого поколения переселенцев, но и для их детей.

Надо сказать, что власть в Советской России, а позже и в СССР видела в эмиграции довольно серьёзную угрозу и, насколько могла, внимательно следила за ней. И вот почему.

Прежде всего, российская эмиграция сохраняла в себе «другую», старую Россию — страну (и культуру), с которой так бескомпромиссно боролись большевики. Это были не просто уехавшие из страны люди — это было целое объединение людей, социум, который объединяли общие политические, культурные и духовные ценности, враждебные большевикам и их новому государству. К тому же, многочисленность эмиграции, известность многих её членов, её самоорганизация представлялись опасными, поскольку поддерживало не только внешнюю, но и внутреннюю оппозицию большевикам. Это своё влияние вполне осознавали и сами эмигранты — и пользовались им, насколько могли. Впрочем, как показало время, обе стороны преувеличивали это влияние — его оказалось недостаточно и для того, чтобы оставить Советский Союз в международной изоляции, и, тем более, для того, чтобы организовать какое-либо активное вмешательство в его дела.

Другой угрозой, с точки зрения советской власти, были военные формирования, сохранившиеся в эмигрантской среде со времён Гражданской войны, или возникавшие уже после неё. Их сил было, конечно же, недостаточно для ведения войны, однако, при определённых обстоятельствах, могло бы, как опасались в Кремле, спровоцировать её, что означало бы новую интервенцию и гражданскую войну. Сами же эмигранты, просчитывая всевозможные варианты такого нападения, конечно, рассчитывали на помощь иностранных государств — чего, как мы знаем, так никогда и не получили.

Наконец, определённую опасность для большевиков представляли попытки части эмиграции организовать на территории бывшей российской империи подпольную подрывную работу (масштаб которой, возможно, несколько ими преувеличивался). Надо сказать, что среди эмигрантов отношение таким вещам было весьма неоднозначным: многие полагали подобного рода деятельность недопустимой и невозможной для себя.

Однако в истории первая волна эмиграции осталась не благодаря своим политическим взглядам и организациям. Феномен «первой волны» - явление прежде всего культурное. Ведь в очень короткое время в эмиграции оказался весь цвет российской культуры того времени. Так, Россию покинуло около полутысячи учёных, которые создали за границей целые научные направления (В. К. Агафонов, С. Н. Виноградский, К. Н. Давыдов, П. А. Сорокин). Уехали виднейшие, известнейшие философы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, П. Б. Струве) певцы и композиторы (С. В. Рахманинов, И. Ф. Стравинский, Ф. И. Шаляпин), художники (А. Н. Бенуа, К. А. Коровин, Е. Е. Лансере, К. А. Сомов), писатели (Ю. П. Анненков, И. А. Бунин)... Последних часто делят на тех, кто уже был известен до эмиграции (Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов и другие), и тех, кто получил известность позже, после отъезда (В. В. Набоков, А. С. Гингер, Б. Ю. Поплавский).

Некоторые уехали сразу, или вообще оказались за границей случайно, застигнутые сначала войной, а потом уже и революцией (как, например, С. П. Дягилев и его «Русские балеты»), и решившие не возвращаться в Россию. Другие уезжали позже, вплоть до конца 20-х годов. И все они составили имя и славу того удивительного явления, которым стала первая волна русской эмиграции начала XX века.

Г.А. Поплетеева

*к.и.н., доцент кафедры политической истории Отечества НИУ-РГУ
нефти и газа имени И.М. Губкина*

УСИЛЕНИЕ РЕГУЛИРУЮЩЕЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ: ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПУТЕЙ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале XXI в. одной из ключевых задач государственного регулирования нефтяной отрасли России является формирование системы взаимоотношений субъектов ТЭК – естественных монополий и государства. и в последней трети XIX – начале XX вв., и в начале века XXI было и Важные шаги в этом направлении были предприняты государством в начале XX в. И творческое обобщение этого исторического опыта имеет крайне актуальное значение, поскольку может стать основой для принятия оптимально выверенных решений в будущем.

Топливный кризис и нефтяной голод, охвативший российскую экономику в начале XX в., неизбежно подталкивал и крупных потребителей нефтяного топлива, и государство, и нефтепромышленников к поиску вариантов выхода из кризиса.

Усиление регулирующей роли государства в отечественной экономике воочию наблюдалось в условиях Первой мировой войны.